

Тотиева Антонина Николаевна

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РАССКАЗАХ АНАТОЛИЯ ДЗАНТИЕВА

В статье рассматриваются интертекстуальные связи в рассказах осетинского писателя Анатолия Дзантиева, анализируется характер их репрезентации. Автор раскрывает интертекстуальные аспекты рассказов писателя, прослеживая художественную и смысловую связь их с текстами-предшественниками, обосновывает мысль о том, что интертекстуальные связи служат ключом к интерпретации творчества писателя в контексте диалога культур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 175-177. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0

Филологические науки

В статье рассматриваются интертекстуальные связи в рассказах осетинского писателя Анатолия Дзантиева, анализируется характер их репрезентации. Автор раскрывает интертекстуальные аспекты рассказов писателя, прослеживая художественную и смысловую связь их с текстами-предшественниками, обосновывает мысль о том, что интертекстуальные связи служат ключом к интерпретации творчества писателя в контексте диалога культур.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; общекультурный контекст; интерпретация; межтекстовые и внетекстовые связи; претекст; интертекстуальность; диалог между автором и читателем.

Тотиева Антонина Николаевна, к. пед. н., доцент

Северо-Осетинский государственный педагогический институт

a_totieva10@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РАССКАЗАХ АНАТОЛИЯ ДЗАНТИЕВА[©]

Проза Анатолия Дзантиева, талантливого осетинского писателя, автора повестей и рассказов «Всадник», «Деревья в бурю», философского романа-эссе «Небесные шахматы», пьес «Дорога длиною в вечность», «О, щедрый Тутыр!», исторической трагедии «Анахарсис», а также многочисленных притч и миниатюр, переведена на несколько европейских языков и издана в европейских странах. Да и сам писатель переводит много, успешно, стараясь донести до русскоязычного читателя богатство письменного и устного народного творчества Осетии. Он автор художественного перевода на русский язык «Осетинского героического эпоса» о нартах, а также произведений известных осетинских писателей.

Творчество Дзантиева характеризуется жанровым и тематическим разнообразием, остротой и неординарностью проблематики, богатством изобразительно-выразительных средств. Проблемы, затрагиваемые писателем, отличаются многогранностью, неординарностью и включенностью в определенный культурный контекст. Это история и современность, философия жизни и смерти, проблема человеческих отношений, любви, памяти, сопричастности к культуре и традициям своего народа. В своих произведениях писатель предстает как мастер художественного слова: выразительной метафоры, цветового эпитета, меткого сравнения, яркой антитезы. Структура его повествования необычайно разнообразна: это и авторская речь, и повествование, включающее голоса персонажей, повествование от первого лица и от третьего.

Но особого внимания в рассказах писателя заслуживают интертекстуальные связи, интерпретация их в контексте диалога культур. «Текст не автономен, его содержание и восприятие базируется на множестве межтекстовых и внетекстовых связей разного рода: смысл его насыщен множеством цитат, отсылок к другим текстам, непосредственно, в явном виде включенных в текст (явление «текста в тексте», прецедентных текстов) или скрытых неявных ассоциаций, порождаемых текстом. Именно эти связи составляют содержание категории интертекстуальности» [1, с. 67]. Художественное произведение, рассматриваемое через призму межтекстовых связей, выводит диалог между автором и читателем в пространство культуры, ибо «смысл текста слит с личностью автора, смысл глубочайшим образом персонален, текст очеловечен» [2, с. 38].

С. А. Зинин особо выделяет такие формы «художественных взаимодействий, которые предполагают наличие прямых текстуальных переключек между литературным источником и заимствующей стороной» [Цит. по: 6, с. 33], как подражания, пародии, аллюзии, реминисценции, цитаты, вариации.

Однако характер репрезентации интертекстуальности в художественном произведении может быть различным, что порождает и разную степень насыщенности его интертекстами разного рода, от явной репрезентации до скрытой.

Обратимся к анализу интертекстуальных связей в рассказах Анатолия Дзантиева.

Небольшой по объему, но емкий по содержанию рассказ «Всадник», давший название одному из ранее вышедших сборников писателя, отсылает читателя к вечным нравственным истинам, которые человек усваивает еще ребенком и которые становятся его ориентирами в жизни.

Сюжет его на первый взгляд незамысловат: дядя рассказывает своему племяннику историю о всаднике. Скачущий на коне по своим делам, проезжая по сельской улочке, он услышал рыдания и женские причитания. Поняв, что люди собрались здесь не для веселья, всадник остановил коня еще за квартал от дома, объятаго горем, спешил и, «потупив голову, остановился перед старшими, а потом с рыданиями вошел в настежь распахнутые ворота» [3, с. 10]. Нет, он не был ни другом, ни родственником умершего, но остановился, «потому что еще раньше, чем он оседлал коня и выехал по своему неотложному делу, раньше, чем он, возможно, даже повзрослел, он уже знал, как ему быть, знал, как поступить, доведись ему повстречать человека в горе» [Там же, с. 9]. Рассуждая о поступке всадника, о том, что заставило совершенно незнакомого человека так поступить, дядя старается донести до сознания мальчика неоспоримую истину: «Пройдет время, жизнь и от тебя потребует выбора – останавливать коня или без оглядки скакать мимо, не забывай

тогда: горе других – это твое горе, чужим весельем ты еще можешь пренебречь, чужим горем – никогда <...> нет чужого горя» [Там же, с. 12].

Рассказ «Всадник» представляет собой в целом оценочное повествование, поскольку в нем имеются оценочные субъекты (сам автор, персонаж), оценочные высказывания, обнаруживающие жизненные стереотипы. Композиционный прием «рассказ в рассказе» позволяет автору донести смысловую доминанту текста и служит средством раскрытия образа самого рассказчика – дяди, который, по мысли автора-повествователя, и был тем самым всадником, остановившим коня перед воротами незнакомого дома. «В справедливости этой мысли я лишний раз убеждаюсь, вспоминая, сколько людей собралось на дядины похороны. И наш дом, и двор, и улица были заполнены людьми, настоящее людское море, охваченное скорбью» [Там же, с. 13].

Анализируя рассказ «Всадник», мы можем говорить о диалоге с литературной традицией, об интертекстуальных связях. Претекстами (текстами-предшественниками) в контексте идейно-художественного содержания рассказа можно считать «Поучение» Владимира Мономаха (1053-1125), великого киевского князя, обращенное к его собственным сыновьям, и одно из духовных стихотворений английского поэта Джона Донна (1572-1631).

В рассказе нет прямого заимствования из названных источников, однако, налицо заимствование идеи, мирозерцания, способа и принципа отражения мира, что обусловлено экстралингвистическими параметрами текста, основным из которых является обусловленность содержания текста самой действительностью, национально-культурными представлениями и общекультурным контекстом.

Так, в «Поучении» читаем: «Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите...» [5, с. 55].

В 17 стихотворении из «Духовных стихотворений» Джона Донна (другое название «Молитвы») есть широко известные ныне строки: «Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол; он звонит и по Тебе» [7]. Выражение стало популярным после выхода в свет романа «По ком звонит колокол» (1940) американского писателя Эрнеста Хемингуэя (1899-1961).

В рассказе «Телеграмма» Анатолия Дзантиева характер репрезентации интертекстуальности достаточно высок, ибо само название является прямым заимствованием и отсылает читателя к рассказу К. Г. Паустовского. Его можно считать «репликой» в диалоге текстов, поскольку он, по сути, является откликом на уже существующий художественный текст и включает «чужое слово», приобретая при этом смысловую множественность.

Интертекстуальный аспект анализируемого рассказа А. Дзантиева обнаруживается, прежде всего, в жанровой и смысловой связи с текстом-предшественником, в сходстве сюжетных коллизий и мироощущения персонажей.

Так, в основе сюжетов обоих рассказов – моральная безответственность главных героев повествования, взрослых и профессионально успешных людей, по отношению к своим постаревшим матерям, «очерствление» их душ под воздействием социума и нравственное прозрение в финале – катарсис, переоценка ценностей.

«Тамерлан Дзесов, архитектор, работник одной московской проектной организации, получил из дому телеграмму, извещающую его о смерти матери» – так начинается рассказ Анатолия Дзантиева. «Сердце его при этом не застучало бешено, и буквы не запрыгали перед глазами, он только подумал об этом сообщении как о неприятной новости, неожиданно ворвавшейся в его спокойную, размеренную жизнь» [3, с. 77]. Герой рассказа сокрушается лишь о сорвавшейся поездке на дачу с молодой любовницей, его тяготит мысль о хлопотах, связанных с похоронами. «Душа была пуста, как бывает пуста бутылка из-под выпитого вина, и горе лежало на дне пустой души, как лежали монеты в кармане Дзесова» [Там же, с. 78]. Далее, описывая душевное состояние своего героя, автор акцентирует мысль на том, что тот оторвался от основ национального бытия, от родной земли. Подъезжая к родному городу, он не ощущал трепета от встречи с горами, символом родной земли, как это было в студенческие годы, а думал, во что обойдутся похороны и за сколько можно будет продать оставшийся после смерти матери дом. «Но тут перед глазами у него встали безграмотно нацарапанные письма матери, в которых она слезно просила его переехать к ней поближе... но Дзесов так и не нашел времени ответить на него... Усилием воли Дзесов заставил себя вспомнить, когда в последний раз видел мать. Оказалось, прошло два года, целых два года минуло со дня последнего его посещения родительского дома» [Там же, с. 81].

Лексический повтор в приведенном фрагменте текста является средством авторской оценки описываемых событий. Повествование проникнуто авторской иронией. Войдя во двор родительского дома, «Дзесов сделал шаг, другой, когда неожиданно для самого себя и даже против своей воли, выронил из рук, как бы нечаянно, чемодан и плащ, а на самом деле с тем расчетом, чтобы старики, продолжающие следить из-за забора за каждым его движением, поняли, в каком он отчаянии от смерти матери, от чего сам себе показался ничтожным и гадким» [Там же, с. 82].

В рассказе Паустовского читаем: «Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном ее отцом – известным художником... Настя, дочь Катерины Петровны и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде. *Последний раз она приезжала три года назад (курсив автора – А. Т.)*. Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до нее, старухи. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, свое счастье. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни... Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца веселый молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей. Он осторожно придерживал Катерину Петровну за руку, когда она расплывалась, чтобы не распилась там, где не надо. Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были все одни и те же: столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо» [4].

Настя, героиня рассказа К. Паустовского, работает секретарем в Союзе художников. В ее обязанности входит устройство выставок, конкурсов. Она со всей ответственностью и рвением относится к своей работе, помогает молодому и талантливому, но не коммуникабельному художнику Тимофееву в устройстве его персональной выставки. Получив письмо от матери перед заседанием Правления союза художников, в котором та просила ее приехать, так как чувствовала, что дни ее сочтены, Настя положила его в сумочку, даже не прочитав. Вернувшись домой, в свою старинную комнату на Мойке, только там она прочла письмо Катерины Петровны.

«Куда там сейчас ехать! – сказала она и встала, – разве отсюда вырвешься!»

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней – и положила письмо в ящик письменного стола [Там же]. Прямой авторской оценки поведения героини рассказа нет, однако, отношение автора передается через ее душевное состояние, позднее прозрение и самоосуждение: «Кто-то тронул ее сзади за руку. Это был старый вспыльчивый художник.

– Что? – спросил он шепотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. – Ничего неприятного?

– Нет, – ответила Настя. – Это так... От одной знакомой...

– Ага! – пробормотал старик и снова стал слушать Першина.

Все смотрели на Першина, но *чей-то взгляд, тяжелый и пронзительный, Настя все время чувствовала на себе и боялась поднять голову.* – Кто бы это мог быть? – подумала она. – Неужели кто-нибудь догадался? Как глупо. Опять расхотелись нервы».

Она с усилием подняла глаза и тотчас отвела их: *Гоголь смотрел на нее, усмехаясь.* На его виске как будто тяжело билась тонкая склеротическая жилка. *Насте показалось, что Гоголь тихо сказал сквозь стиснутые зубы: – Эх, ты!»* (курсив автора – А. Т.) [Там же].

Завершающей смысловой интенцией обоих рассказов является мотив переоценки ценностей и раскаяние главных героев.

Создавая рассказ «Телеграмма», А. Дзантиев, надо полагать, ориентировался на образ читателя, знакомого с текстом одноименного рассказа К. Паустовского, и предполагал активизировать восприятие его смысловых аспектов путем «заимствования идеи, мирозерцания и принципа отражения мира» [1, с. 67].

Таким образом, анализируя рассказы А. Дзантиева, мы приходим к выводу, что интертекстуальные связи служат ключом к их интерпретации, отсылают читателя к предшествующим культурным текстам. Автор учитывает фоновые знания своего читателя и его литературную компетенцию.

Список литературы

1. **Бабенко Л. Г.** Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2004. 464 с.
2. **Бонеева Н. К.** М. Бахтин и идеи герменевтики // Бахтиология: Исследования, переводы, публикации. СПб.: Алетейя, 1995. С. 38-39.
3. **Дзантиев А. А.** Деревья в бую: Рассказы, пьесы, притчи, миниатюры. Владикавказ: Ир, 2003. 464 с.
4. **Паустовский К. Г.** Телеграмма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/> (дата обращения 07.08.2014).
5. **Русская литература XI-XVIII вв.** М.: Художественная литература, 1988. 493 с.
6. **Стрельцова Л. И.** Коммуникативные аспекты изучения литературного произведения в школе // Филологический класс. 2011. № 26. С. 32-36.
7. **Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/15/77.htm> (дата обращения: 16.02.2014).

INTERTEXTUALITY IN THE STORIES BY ANATOLY DZANTIEV

Totieva Antonina Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
North Ossetian State Pedagogical Institute
a_totieva10@mail.ru

The article considers the intertextual relations in the stories by the Ossetian writer Anatoly Dzantiev, analyzes the nature of their representation. The author reveals the intertextual aspects of the writer's stories, analyzing their artistic and semantic relations with the texts-predecessors, justifies an idea that intertextual relations are the key to interpreting the writer's creative work in the context of dialogue of cultures.

Key words and phrases: literary text; general cultural context; interpretation; intertextual and non-textual relations; pre-text; intertextuality; dialogue between an author and a reader.